

А. СУРКОВ

РОССИЯ

КАРАЮЩАЯ

С 90

отиски

Р 22932

советский писатель

1944

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

РОССИЯ КАРАЮЩАЯ

Стихи 1943 года

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва 1944

Редактор *П. Антокольский*

A7835

Подписана к печати 8/IV 1944 г.

Печ. л. 3½. Авт. л. 3.0. Уч.-изд. л. 3,17.

Тираж 10 000. Заказ 16.

Цена 2 руб. 25 к.

2-я тип. изд-ва «Московский большевик»,
Москва, Петровка, 17.

Россия карающая

Вечерние лучи косые
Легли на вспаханную новь.
Опять сыны твои, Россия,
Льют в битвах жертвенную кровь.

Опять земля твоя в разоре
И города твои в огне.
По большакам старинным горе
Бредет с котомкой на спине.

И перед ним робеют звери,
И травы вянут под рукой,
А люди ждут — в какие двери
Ему черед стучать клюкой?

Про игры позабыли дети,
И женихам не до невест.
Как в дни далеких лихолетий,
Народ несет свой тяжкий крест.

Но человек с орлиным взглядом
Бессменно бодрствует в Кремле.
И сыновья, с отцами рядом,
Идут по выжженной земле.

Их оглушают вон волчьи,
Над ними зарева горят.
Над мертвыми живые молча
Смыкают поредевший ряд.

Встает рассвет над мертвым лугом.
Смотри: уже окреп в труде
Тот русский отрок, что за плугом
Идет по влажной борозде.

По пахоти, как сажа черной,
Где теплая земля мягка,
Для жизни разбросает зерна
Его хозяйская рука.

Когда однажды на рассвете
Война окончит сев свинца,
По-русски, хлебом-солью, встретит
Он победителя-отца.

Апрель.

Мост. Под'ем. И с крутого взгорья
Вид на выжженное село.
Зачерпнули мы злого горя —
Сколько сердце вместить могло.

Мы в походе не спим недели.
Извелись от гнилой воды.
Наши волосы поседели
От своей и чужой беды.

Голос долга и голос чести
Повелел: да свершится суд!
Подхватили нас крылья мести
И на запад, как смерч, несут.

Мы идем, врагов настигая
На развалинах городов.
Ширь отбитых полей нагая
Нам дороже райских садов.

Будет нами прожит и выжит
Этот третий жестокий год.
Нашу нежность злора не выжжет,
Если в сердце любовь цветет.

Август. ·

Брянское направление.

В косом дожде, по косогорам,
Сквозит полей осенних грусть.
В грозе и буре шагом скорым
Идет карающая Русь.

Идет, гневна и непреклонна.
Тяжелый меч ее остер.
Ярмо немецкого полона
Она собьет с родных сестер.

Уже раскована равнина
На юг и запад от Кремля.
Жди и надейся, Украина!
Жди, белорусская земля!

Не век врагам глумиться люто.
Дни злой неволи сочтены.
С Днепра нам виден берег Прута
И плесы Немана видны.

Август.
Брянское направление.

Под вечер в гестапо ее привели.
Прикладами били сначала.
Стояла она чернее земли,
Назло палачам молчала.
Когда ей руки стали ломать
На исходе бессонной ночи,
Плюнула партизанская мать
Немцу в бесстыжие очи.
Сказала:

(были остры, как нож,

Глухие ее слова.)

— Труд твой напрасный. Меня убьешь —

Россия будет жива.

Россия тысячу лет жила,

Множила племя свое.

Сила твоя, лядский, мала,

Чтобы убить ее...

Май.

БЕЛОРУССИЯ

1

Это в память зарублено на века.
Днепр-река,
Сож-река,
Припять-река
И лесная Березина.
И вода, как злая полынь, горька,
Как людская слеза, солона.
На дорожных присадах трупы висят.
Пепел — мертвых рук холоднойй.
День за днем,
День за днем,
Восемьсот пятьдесят
Нестерпимых, жестоких дней.
День за днем,
День за днем —

Без конца.
Каждый день — тяжелей свинца.
Из суглинка бьют кровавые ключи.
Красный дым застлал небосклон.
А бездомный ветер поет в ночи
Про немецкий полон.
Восемьсот пятьдесят ночей и дней
Кровь отцов и слезы сирот.
Есть ли мера великой муке твоей,
Белорусский народ?

2

Перед ними знамена склонят века.
Днепр-река,
Сож-река,
Припять-река
И лесная Березина.
А вода, как мстящее пламя, жарка,
Как разящая сталь, холодна.
Скат высокой желтой насыпи гол.
Глаз прожектора. Стук колес.
Но кричит разрывающий рельсы тол,
Под откос летит паровоз.
Над лесным большаком в ночной синеве

Запоздалой ракеты свет.
И лежат в траве,
Голова к голове,
Те, которым прощенья нет.
По дремучим пущам, по диким местам,
Где туман и трава-дурман,
За немецким волком, как тень, по пятам
Невидимкой идет партизан.
Восемьсот пятьдесят ночей и дней
Реки — вплавь, а болота — вброд.
Есть ли мера ярости правой твоей,
Белорусский народ?

3

Эта осень легендой уйдет в века.
Днепр-река,
Сож-река,
Припять-река
И лесная Березина.
А вода, как резкие грани штыка,
От немецкой крови красна.
По-над Сожем-рекой и рекой Днепром,
По-над Припятью и Березиной
Артиллерии нашей железный гром.

Наших танков галоп стальной.
Это ярость идет с пехотинцем в ряд
И зовет и торопит вперед —
За разбитый дом, за убитый сад
Покарать ненавистный род.
Через Днепр, через Припять летит снаряд.
Настигает, разит врага.
На лесистых угорьях костры горят,
Под ногами гудят луга.
Дождалось Полесье добрых вестей.
Звонок первый декабрьский лед.
С первопутком встречай дорогих гостей,
Белорусский народ!

Декабрь.

Дивизии идут на запад,

Войны имеют концы и начала...
Снова мы здесь, на великой реке.
Села в разоре. Земля одичала.
Серые мыши шуршат в сорняке.

Мертвый старик в лопухах под заббором.
Трупик ребенка придавлен доской...
Всем нас пытали — и голодом, и мором,
Жгучим стыдом и холодной тоской.

В битвах пропитаны наши шинели
Запахом крови и дымом костра.
В зной наши души не раз леденели.
В стужу сердца обжигала жара.

Шли мы по пеплу и острым камням.
Зарева нас вырывали из тьмы.
Впору поднять десяти поколениям
Тяжесть, которую подняли мы.

Все пересилили, все претерпели
Ратные люди русской земли.
В огненных бурях, в кровавой купели
Мужество верных сердец обрели.

Ветер гуляет по киевским кручам.
И по полям, под осенним дождем,
Наперекор нависающим тучам
Мы за весной и за солнцем идем.

Только бы буря возмездья крепчала,
Гневом сильней обжигала сердца...
В красном дыму затерялись начала.
Трубам победы греметь у конца.

Ноябрь.

Скрежещет серый гравий, под ногами.
Горелый танк. Разбитый бомбой дот.
На запад семиверстными шагами
Народное возмездие идет.

На сотни километров пролегла
Боями проторенная дорога
В полесские болота от Орла,
В преддверья Крыма из-под Таганрога.

Над Киевом трепещет красный флаг.
Слышна в Смоленске наша речь живая,
А шквал испепеляющих атак
Все катится вперед, не устая.

Час пробил. Все плотины снесены
Неудержимой яростью потока.
Во след багровым заревам войны
Лавина гнева движется с востока.

Ноябрь.

Далеких внуков, племена,
Свое земное счастье строя,
Не позабудут имена
Познавших боль и радость боя.

В сияньи славы боевой,
Перед грядущим встанут рядом
Тот, кто сражался под Москвой
И выстоял под Сталинградом;

Пред кем в сраженьи под Орлом
Была бессильна сталь литая;
Кто пробивался напролом,
Отвагой армии сметая.

Из уст в уста, из века в век
Пройдет молва, как к светлой цели
Шел непреклонный человек
В солдатской каске и шинели.

Сражаясь до последних сил,
В свою звезду и силу веря,
Он, мир спасая, поразил
В сраженьи бешеного зверя.

Ноябрь.

ВДОГОНКУ

Истоптанные танками снега,
Воронки. Гарь. Неубранные трупы.
В пустую степь, как в исполинский рупор,
Свирепо дует первая пурга.

От этих мест, в обгон ветров и вьюг,
Укутав в дым береговые склоны,
За танками спешили батальоны
По целине на запад и на юг.

Сегодня здесь уже армейский тыл.
Расчищен путь хозяйскими руками,
На переправе, под грузовиками,
Воркует новый мостовой настил.

Пушатся белым инеем штыки.
Под сенью их, к сраженьям и победам,

За уходящей канонадой следом,
Торопятся резервные полки.

Ударит ввысь фугаски взрыв тупой.
Метнутся с ветел галки черным роем.
По грейдеру степному, под конвоем,
Бредут на север пленные толпой.

Пушинки белой снежной кутерьмы
Блестят у конвоиров на петлицах.
Улыбками написано на лицах:
— Тут наш черед! Тут наступаем мы!

Ноябрь 1942 г.
Под Сталинградом.

ЖИЗНЬ ВОЗВРАТИЛАСЬ

У черты городской, на полянке,
И за речкой, на том берегу,
Черным ломом валяются танки
На окрашенном кровью снегу.

Где-то близко стучат пулеметы.
Горизонт от разрывов седой.
Поредевшие, потные роты
Прямо с марша вливаются в бой.

Громом выстрелов воздух распорот.
Дым пожаров стоит, как стена.
Но уже просыпается город
От тяжелого, долгого сна.

Разбирают горящие доски.
Сыплют снег на истлевший накат.

На базарной площадке подростки
Рвут с забора немецкий плакат.

Сталью касок пробитых бряцая,
Карапузы бегут за полком.
Пять старух подлеса «полицая»
Под конвоем ведут в исполком.

Красный флаг над руинами поднят,
Всюду русские, наши слова.
Караулы сменяют. Сегодня
Пропуск — мушка,
а отзыв — Москва.

Февраль.
Чугуев.

ЗДЕСЬ ОТСТУПАЛИ ГОНВЕДЫ

Сбежав с пригорка, торный путь победы
Змеится, извивается в логу.
А по краям дороги, на снегу,
Лежат вповалку мертвые гонведы.

Их жажда крови, жадная, шальная,
Растлившая и души и тела,
Сюда минувшим летом привела
От плесов дальней Тиссы и Дуная.

Вот здесь, у вязов, серые от пыли,
Они в чужом, неведомом краю
Степной реки прозрачную струю
Касаньем губ нечистых осквернили.

Просторы Волги, горный кряж Урала
Им грезились июльским жарким днем,

Но месть народа сталью и огнем
Настигла их и смертью покарала.

Плачь, Венгрия, кровавыми слезами!
Страшна в России зимняя гроза.
Голодный ворон мертвецу в глаза
Заглядывает жадными глазами.

За око — око! Стали и огню
В жестокий год мы посвятили жизни.
Я хищников степных не разгоню,
Не помешаю их кровавой тризне.
Февраль,
Касторная. Ст. Оскол.

ВЕСНА НА ФРОНТЕ

Стыдливый подснежник над прелью весенних
проталин.

Набухшие почки, готовые брызнуть листвою.

Идет батальон вдоль дымящихся, черных
развалин.

Звонит синевой заднепровский простор
ветровой.

Развалины Ржева и мертвые улицы Вязьмы
Под солнцем апреля стократно страшней и
черней.

И горло сжимают клокочущей ярости спазмы,
И гневное сердце стучит под рубахой сильнее.

Хоть тысячу верст мы по грязи пройдем без
привала,

Гремящую смерть пронося в молчаливом стволе,
Лишь только б весна нам на запад пути
открывала

И жизнь воскресала на выжженной этой земле.

Мы знаем — из боя домой возвратится не
каждый,

Но русские дали в глазницах развалин сквозят.
Но те, кто стране присягнули на верность
однажды,

Не могут,

Не смеют

В пути оглянуться назад.

Пока не свершим мы обета завещанной мести,
Пока не отплатим за кровь и за слезы втройне,
Жених молодой не придет на рассвете к невесте,
Сын мать не обнимет и муж не вернется к жене.

Нет в мире вернее солдатского русского слова.
Окрепли мы, радость и горе по-братски деля.
Душа возмужала и к подвигам новым готова.
Благослови час на подвиг, родная земля!

Апрель.

ВЕСНА НА ФРОНТЕ

Стыдливый подснежник над прелью весенних
проталин.
Набухшие почки, готовые брызнуть листвою.
Идет батальон вдоль дымящихся, черных
развалин.
Звенит синевой заднепровский простор
ветровой.

Развалины Ржева и мертвые улицы Вязьмы
Под солнцем апреля стократно страшней и
черней.
И горло сжимают клокочущей ярости спазмы,
И гневное сердце стучит под рубахой сильней.

Хоть тысячу верст мы по грязи пройдем без
привала,

Гремящую смерть пронося в молчаливом стволе,
Лишь только б весна нам на запад пути

открывала

И жизнь воскресала на выжженной этой земле.

Мы знаем — из боя домой возвратится не
каждый,

Но русские дали в глазницах развалин сквозят.

Но те, кто стране присягнули на верность

однажды,

Не могут,

Не смеют

В пути оглянуться назад.

Пока не свершим мы обета завещанной мести,

Пока не отплатим за кровь и за слезы втройне,

Жених молодой не придет на рассвете к невесте,

Сын мать не обнимет и муж не вернется к женс.

Нет в мире вернее солдатского русского слова.

Окрепили мы, радость и горе по-братски деля.

Душа возмужала и к подвигам новым готова.

Благослови нас на подвиг, родная земля!

Апрель.

ДИВИЗИИ ИДУТ НА ЗАПАД

Проходят полки в орудийном гаме,
Сквозь степи и лес, через реки вброд,
Земля, как живая, под их ногами
Гудит и дрожит, торопит вперед.

— На запад! — рычат, задыхаясь, моторы.

— На запад! — звенит, пролетая, снаряд.

Стрелки, батарейцы, танкисты, саперы

Одним исступленьем атаки горят.

Их гнев и возмездье в дымные дали

Ведут по земле, от крови сырой.

Упорством бетона и бешенством стали

Не сокрушить атакующий строй.

Гремит наступленье от края до края —

От плавней Тамани к верховьям Двины.

Россия шагает на запад, карая

Тяжелым мечом народной войны.

Август.

Брянское направление.

ТАНКОВАЯ ЗАСАДА

Ложатся бомбы спереди и сзади,
От взрывов звон в груди и в голове.
Но молча ждут своей поры в засаде
По башни в землю врытые КВ.

Танкисты видят в смотровые щели
Высокие бескрайные хлеба,
В хлебах, еще невидимые цели,
Ползут, неотвратимы, как судьба.

Ползут, среди щемящего безлюдья
Созревшей ржи и синих васильков,
Чтоб с ходу опрокидывать орудья
И плоскоступьем лап давить стрелков.

Вот, наконец, и выползли колонной.
Прицеливайся точно! Не спеши.

Звон крови, до предела напряженный,
Расчетливостью воли заглуши.

Раскатом первых залпов степь седая
По самый горизонт потрясена.
Пути тяжелым «тиграм» преграждая,
Встает разрывов дымная стена.

И застигает дали сумрак мглистый.
И заползает в танки едкий чад.
В азарте схватки потные танкисты
Беззвучные проклятия кричат.

Ломают строй гремящие громады
И пятятся, открытые огню.
Тогда КВ выходят из засады,
Прямой наводкой жгут и рвут броню.

Раскалывая клиньями стальными
Чужие батальоны и полки,
В атаку мчатся танки, а за ними
Бегут разгоряченные стрелки.

Июль.

Артиллеристы

Как палец, грозящий ревущему небу,
Торчит на пригорке бескрылый ветряк.
Цепочкой по желтому, спелому хлебу
Тяжелые танки обходят овраг.

Видны наблюдателям в стереотрубы
Далекie избы в дыму и огне
И серые лица и черные губы
Небритых солдат на горячей броне.

Рычанье моторов все ближе, все четче.
И, звуку знакомого голоса рад,
Рвет шнур на себя загорелый наводчик.
Как вздох облегченья, уходит снаряд.

Торопятся руки — скорее! Скорее!
Расплющим, раздавим и в землю воннем!

Без устали, яростно бьют батареи,
Встречая врага ураганным огнем.

Над облаком черного дыма и пыли
Взлетают обломки горячей брони.
— Накрыли? — Накрыли! — Отбили? — Отбили!
Не дай им пощады! Преследуй! Гои!

Пускай они корчатся в пламени лютом
На дне начиненного минами рва.
Торжественным, стоорудийным салютом
На гром наших пушек ответит Москва.

Август.

Брянское направление.

СЛАВА!

1

Знойный ли полдень, ночь ли сырая,
Льется ли кровь или плещет вода,
С боем идет он вперед, отбирая
Села свои и свои города.
Светит в глазах его радость живая —
Сильный такой, загорелый такой,
Ходко шагает солдат, забывая
Усталость и раны, сон и покой.
Пуля, граната, штык и лопата,
Смелость и верность — сила солдата.
С гордостью предки на внуков глядят.
Слава тебе, пехотный солдат!

2

Дали оглохли от грома и свиста.
Рваный металл настигает, сечет.
В каждом движеньи артиллериста
Дерзкая смелость, точный расчет.
Яростным, сеющим смерть ураганом,
Туча звенящих снарядов, лети!
Стобатарейным тяжелым тараном
Для пехотинцев расчисти пути.
Бьет исполинский безжалостный молот.
Вспахана почва и камень расколот.
Вырваны рельсы, мосты сметены.
Слава гремящему «богу войны»!

3

Стынут руины в молчании строгом.
Дым поднимается черной стеной.
По изувеченным пыльным дорогам
Танки несутся лавиной стальной.
Сто километров, и двести, и триста,
К городу город, село за селом.
Гневное сердце торопит танкиста,
В огненном море ведет напролом.

Тут не игра, не чет или нечет.
Ненависть молнии выстрелов мечет,
Русская удадь в работу берет.
Слава танкистам, идущим вперед!

4

Пашут поля огневые налеты.
Взрывы фугасок тяжки и гулки.
Над головами гвардейской пехоты
К цели проносятся штурмовики.
В реве и громе воздушного боя
Гонит врага атакующий асс.
В небо бескрайное голубое
Врезаны блестящие полосы трасс.
Падая грудой железного лома,
«Юнкерс» горит, как сухая солома.
Дерзок и смел соколиный полет.
Слава тебе, краснозвездный пилот!

5

Ночью ракеты горят, не сгорая,
И пулемет поливает в упор.
Возле переднего вражьего края
Ползает, смерть побеждая, сапер.

Роет упрямо лопата минера,
Рушится толлом подорванный дот.
Утром в атаку, по следу сапера,
Танки пройдут и пехота пойдет.
Рвутся снаряды слева и справа.
— Ставь переправу! — Есть переправа! —
Звонко поет хлопотливый топор.
Слава тебе, работяга-сапер!

6

Каждый, разящий штыком и снарядом,
Чувствует, в грохот атаки входя,
Локоть незримо идущего рядом
Друга, товарища и вождя.
Над рубежами угрюмых предполий
Зрелости мудрость и юности пыл
Сталин своей неsgiбаемой волей
В непобедимое мужество слил.
Все, чем душа беспредельно богата, —
Ум полководца и сердце солдата —
Отдал он нам,
Побеждающим тьму.

Слава!

Слава!

Слава ему!

Сентябрь.

ПОБЕДИТЕЛИ

В осеннее синее небо взлетая,
Гудит «ястребков» крылатая стая,
Срываются «Юнкерсы», жарко горя.
Холодной зари полоса золотая
Бледнеет, в лучах полыхающих тая,
И солнцем восходит двадцать шестая
Година Великого Октября.
Лощины покрыты травой-молочаем.
Шумит ветерок в заднепровском гаю.
Мы Киевской славной победой встречаем
Свой праздник в огне, на переднем краю.
И посвисты бомбы, и пули жужжанье —
Все те же, привычные, звуки войны.
Сибирский народ, москвичи, поволжане —
Какие сегодня мы видели сны!
Нам снилась просторная Красная площадь,
Торжественный бархат гвардейских знамен,

Трепещущих флагов плывущие роши,
Упругая, четкая поступь колонн.
Кремлевские звезды горят позолотой.
Рассыпались песни веселым дождем.
И мы, победители, рота за ротой,
Проходим в строю перед нашим вождем.
Как рокот сражений, как ветер победы,
Раскаты «ура», нарастая, звучат.
Пожарский и Минин — великие деды —
С любовью и лаской глядят на внучат.
И солнце для нас по-весеннему светит,
Играя на касках пехотных колонн.
Мы верим, мы знаем, что сбудется этот
Рожденный окопными думами сон.
Нас танки не смяли и смерть не скосила,
Тоска не настигла в окопной глуши.
Ведет нас вперед исполинская сила
И вечная молодость русской души.

Ноябрь.

М о б е д и т е л и

СОЛДАТ

Стирая рукавом
Со лба густую кровь,
Перед бойницей вражеского дота,
Укрыт глубоким рвом,
Он целится и вновь
Сечет разящей строчкой пулемета.

Взрывается снаряд,
Земля летит вразброс,
Осколки рвут бугры промерзлых кочек,
А пули всё летят,
Как будто в землю врос
Ожесточенный боем пулеметчик.

Смешался с кровью пот
Солдатского труда.
Несутся с лязгом танки по полянке.

Метелица метет,
И краевая звезда
Мерцает на заснеженной ушанке.

И динамит, и тол,
И воющий металл,
И злая лихорадка автомата...
Он в этот ад вошел,
Он в пламени познал
Свой трудный долг пехотного солдата.

Ведя за годом год
Жестокую борьбу,
Он, в громе исполинских наступлений,
На сотни лет вперед
Устраивал судьбу
Рожденных и грядущих поколений.

Для радости труда
Отвагою храним,
Он родине несет победы дар чудесный.
Душа моя горда,
Что жил я рядом с ним,
Что помогал ему своей солдатской песней.

Декабрь.
Западный фронт.

ГЕНЕРАЛ

Молодой ад'ютант улыбается сну своему.
А начальнику нынешней ночью совсем не до сна.
Он в ответе за завтрашний бой. И ему
Жизнь несчитанных тысяч с доверьем вручила
страна.

Мысль начальника там, за зеленой грядой
тополей,
Где ракетами высвечен скатистый берег реки.
Где сапер проползает в безмолвии минных полей.
Где ресниц не смежат батарейцы, танкисты,
стрелки.

Он привел их сюда через Терек, и Маныч,
и Сал.

По донским крутоярм их вместе носила война.
Он для них под огнем боевые приказы писал.
Их отвагой и доблестью подпись его скреплена.
И любой пехотинец, овеянный ветром степным,

И чубатый станичник от дымных донских
курней

Перед часом атаки из ночи встают перед ним,
Ближе кровного брата и сына родного родней.
Их война побратала суровой солдатской судьбой,
Черным горем отхода и дерзким порывом вперед.
Против неба и ада он бросит товарищей в бой,
Если волю свою продиктует великий Народ.

Будет пуля с рассветом искать человечью судьбу.
Будет писарь под вечер в списках гасить имена.
Скорбь и горечь утраты прорежут морщины
на лбу,

Седина под фуражкой отчетливей станет видна.
Но свинец для победы хранится в ружейном
стволе.

И война есть война. И суровы законы борьбы.
Ведь и Сталин по воле народа в Кремле
Намечает по карте дороги солдатской судьбы.
Перед взглядом вождя расплеснулась, как море,
страна,

И предел ее дальний с высокими звездами слит.
Непреклонную волю народа диктует она,
Быть неистойей вихря и тверже гранита велит.

Там, за кромкой холмов, за пшеницей, за пыльной травой,

Ожидают победы Москва, и Алтай, и Урал.

...Разбудив ад'ютанта, навстречу грозе боевой,

Твердым шагом солдата в окопы идет генерал.

Он сомкнет своей волей ряды атакующих рот,

Все стихии сражения будут послушны ему.

За спиной генерала страна и великий народ.

Он велит победить.

Значит — быть посему!

Сентябрь.

РОЖДЕНИЕ СОЛДАТА

Пали сумерки. Бой утих.
Ты пришел отдохнуть в блиндаж.
Что прочел я в глазах твоих,
Словом песни не передашь.

Что слова? Пустоцвет и тлен.
Тесно в песне судьбе живой.
Ты сегодня у пункта Эн
Был огнем окрещён впервой.

Лог дрожал от разрывов бомб.
Нарастал орудийный шквал,
Будто кто-то железным лбом
Толщину земли пробивал.

Сто снарядов ложились в ряд,
Перекрыть дзотов дробя.
И казалось — каждый снаряд
Непреренно ищет тебя,

И когда ты в жару продрог,
Стер холодных капель накрап,
Бой наполнил широкий лог
Лязгом плоских танковых лап.

На тебя, по пеплу лачуг,
По развалинам блиндажа,
Как огромный навозный жук,
Черный танк напозал жужжа.

Не забудешь ты до седин,
Как в разбитом гнезде своем
Поднялся перед ним один,
С неуклюжим, длинным ружьем.

Как с кинжалом врага кинжал,
Ты со смертью скрестил свой взгляд.
Пальцем твердо на спуск нажал.
Такт отдачи отбил приклад.

В синей дымке увидел ты,
Как металл умирал в огне,
Как белели в чаду кресты
На горячей черной броне.

Ты стрелял и стрелял опять
Из окопа, из-за бугров.
И они повернули вспять
И, слепые, сползали в ров.

И тогда ты поднялся в рост,
Вслед за ними бежал, крича.
Подожженный снарядом мост
Над ручьем пылал, как свеча.

От разрывов воздух стонал,
И свинец шумел над тобой.
Ты про все позабыл. Ты знал,
Что сегодня выиграл бой.

Вечер солнце свалил в кусты,
По ярам туман разметал.
В этот миг почувствовал ты,
Что оглох и страшно устал.

Обессилен, голоден, тих,
Ты, шатаясь, вошел в блиндаж.
И прочел я в глазах твоих
То, что в песне не передашь.
Сентябрь.

ПОБРАТИМЫ

Два горячих автомата
Тарахтят наперебой.
На пригорке два солдата —
Нетрусливые ребята —
Ты да я, да мы с тобой.

Снизу — поле яровое.
Сверху — воздух голубой.
Наше счастье фронтовое
Мы опять пытаем двое —
Ты да я, да мы с тобой.

В чет и нечет не впервые
Мы ведем игру с судьбой,
Побратимы боевые,
Старожилы фронтовые —
Ты да я, да мы с тобой.

Смерть косила — не скосила,
«Юнкерс» рухнул — хвост трубой.
Нас удача выносила.
Это, брат, большая сила —
Ты да я, да мы с тобой.

Октябрь.

ПАРТИЗАНСКАЯ РАЗГОВОРНАЯ

От подлеска до пруда
Все бурьян да лебеда,
Все бурьян да лебеда —
Не проехать никуда.

Лебеда-то не беда.
Лебеда помеха ли?
А беда, что к нам сюда,
В наши села, города,
Гости понаехали,
Пьяные, незваные,
Немцы окаянные.

Прикатили хваты-гости,
Затрещали наши кости.
День и ночь покоя нет
Старому и малому.

Покоряйтесь, внук и дед,
Басурману шалому.

Молодые-то на фронте
С немчурь не сводят глаз.
Молодых-то, ну-ка, троньте,
Пулю влепят в самый раз.
Гость храбер со слабыми,
Дедами да бабами.

На деревне старикам
Можно палкой по бокам.
Штык приставят под ребро:
— Подавай сюда добро.
Отмыкайте, старики,
Погреба да сундуки.

Немец в хате, на перине,
На хозяйской половине,
А хозяину: «Цурюк!»
Хлев свиной, петля да крюк.
Хоть сегодня в гроб ложись.
Разве это, братцы, жизнь?

Рассудили старики:
— Покоряться не с руки.

У германцев автоматы,
Без отдачи, заняли,
Взяли ружья да гранаты,
Подпалили ночью хаты
И запартизанили.

От села Большого Луга
До села Порошина
Ополчилась вся округа
На гостей непрошенных.
Встали немцам на пути —
Не проехать, не пройти.

Из Кремля, из дальней дали,
Звезды светят старикам.
Мы вечер письмо послали
Сыновьям-фронтовикам,
Чтобы в курсе дела были:
Чтобы злее немца били.

Написали: «Немца тешим,
Угощаем сладко.
Крепкий кол осинов тешем
«Новому порядку».
Стосковались. Шлем привет.
И победы ждем в ответ...»

Среди дороги кол.
На колу мочала.
До конца припев довел,
Начинай сначала.
От подлеска до пруда
Все бурьян да лебеда,
Все бурьян да лебеда —
Не проехать никуда.

Лебеда-то не беда.
Лебеда-то ерунда.
Перепашем лебеду,
Карпов вырастим в пруду.
Сыновьям своим героям
Хаты новые построим.
Мир да труд! Живите всласть!
Наша сила, Наша власть.

Кто не робок и упорен,
Не загинет в кабале.
Дюже крепок русский корень,
Глубоко сидит в земле.

Июнь.

Возмездие, воины!

ДОЧЕРИ

Над безмолвьем полянки
Галочки толки.

На траве партизанки —
Две комсомолки.

На траве возле гати
Мертвые обе.

«Не рыдай мене, мати,
Зрящи во гробе».

Смерть пришла, как усталость.

Ноженки босы.

По траве разметались
Русые косы.

Их терзали солдаты
В бешеной злобе.

«Не рыдай мене, мати,
Зрящи во гробе».

Причитает седая:
— Доченьки, дети...
Для того ль, подрастая,
Жили на свете?
На потоптанной мяте
Мертвые обе...
«Не рыдай мене, мати,
Зрящи во гробе».

Будто дрогнули губы
Старшей, Татьяны:
— Нас у старого дуба
Ждут партизаны.
Ты пойдя на закате
К старому дубу.
Не рыдай ты над нами, —
Мсти душегубу...

Март.

ПРАСКОВЬЯ

Что-то на сердце смутно.
Дрема нейдет к изголовью.
Хочешь, я расскажу
Про солдатскую жонку Прасковью.
Как явился германец
В запрошлый октябрь в подмосковье,
Молодцы из гестапо
Нагрянули в избу к Прасковье.
Шомполами хлестали,
Железом пытали Прасковью.
Претерпела солдатка.
Смолчала. Не дрогнула бровью.
Три немецких солдата
Топтали и били Прасковью.
Половицы набрякли
Горячей Прасковьиной кровью.
И опять претерпела,

И снова, как камень, молчала.
Отдохнули солдаты
И начали мучить с начала.
За селом нашим пруд.
За прудом камыши и трясина.
Утопили германцы
В трясине Прасковина сына.
Наглушили враги
Над ее материнской любовью,
А она претерпела.
Тогда застрелили Прасковью.
На задворке трава
Сапогами чужими примята.
Три немецких солдата
Вскинули три автомата.
Три ствола,
Три огня
Непокорная, падая, видела.
Не запачкала душу.
Соседей своих не обидела.
Партизанские думки
Врагам на распятье не выдала.
Вот и весь мой рассказ...
Что задумался? Спи на здоровье!
А ребятам в полку
Расскажи о солдатке Прасковье.
Ноябрь.

СТАРУХА

Когда мы в комнату вошли,
В лачуге, около вокзала,
Из мрака, как из-под земли,
Навстречу нам старуха встала.
Среди расколотых вещей,
Давясь последними слезами,
Горшок пустых бедняцких щей
Поставила под образами.
Достала черствые куски,
Сухую, серую капусту.
— Хоть щей отведайте, сынки.
Все растащили, будь им пусто.
Все, до последнего рядна.
Повешен дед, убиты дети.
Больная, сирая, одна
Осталась я на белом свете.
Ввалились пьяные вчера,

Терзали, мучили, топтали...
— Спасибо, мать. Нам в бой пора.
И сыты мы и не устали.
Плотнее зубы стисни, друг,
И все запомни, негодую:
Усталых, тусклых глаз испуг,
Под полушалком прядь седую,
Пустую детскую кровать,
Кровоподтеки от приклада...
Теперь не время горевать.
Теперь карать убийцу надо.

Март.
Белгород.

18 МАРТА

Хлопает крылом железный кочет.
Бомбами насквозь пробита тьма.
Слышишь? Девочка, сойдя с ума,
Над убитой матерью хохочет.
Как несносен этот долгий грохот!
Как навязчив этот звон в ушах!
За Красивой Мечью, в камышах,
Эхо подхватило страшный хохот.
Небо в нитках огненных над нами,
И в кольце разрывов видим мы
Верткий «Юнкерс», вырванный из тьмы
Синими, слепящими лучами.
В черный мрак врубаются снаряды
Бьющих в исступленьи батарей.
Перережь дорогу! Сбей скорей!
Он убийца. Нет ему пощады.
Елец.
18 марта.

ПЕСНЯ ПОЛОНЯНКИ

Зреет горький плод на калине,
Глохнет в роще свист соловья.
На далекой немецкой чужбине,
На чужбине, в постылом Берлине,
Сохнет юность моя.

Серебрится рыбкой-плотицей
Лунный серп над моей тюрьмой.
Обернуться бы пленнице птицей,
Быстрокрылой птицей-синицей,
Полететь бы домой.

Обернуться ласточкой мне бы,
Вольно легким крылом взмахнуть.
От немецкого мутного неба,
От немецкого горького хлеба
Хоть денек отдохнуть.

Поглядеть на холмы крутые,
На высокие тополя,
Обойти на заре золотые,
Золотые, густые, святые
Аржаные поля.

Сохнет юность в тюрьме окаянной.
Далеко до родимой Руси.
Где ты, сокол мой, брат мой названный?
Ты разбей наши цепи, желанный,
Полонянок спаси!

Июль.
Севернее Орла.

СЕЛО ОТРАДНОЕ

Отступили. Всем приказали выселиться.
Все пожитки и хаты сожгли дотла.
Как надгробье, маячит черная виселица
Над холодным трупом села.

А давно ли стояло оно нарядное,
Хата к хате, к плетню плетень.
И стекались крестьяне в село Отрадное
По делам из всех деревень.

Хатки в зелени вишен белели зайчатами,
Шелестел ветерок-буян.
До зари миловались парни с девчатами,
Хороводы водил баян...

Будет время — расскажет мудрая книга нам
Правду горя, всех правд святей.

Суд идет! По степным большакам, по выгонам
Гоним мы незваных гостей.

Мы ускорим течение времени быстрое,
Победим и мирским трудом
Горы бревен нарубим и, с песней, выстроим
Для бездомного новый дом.

Над прудом, чужими фугасами вырытым,
Ляжет тень зеленых садов.
Кров и ласку дадим калекам и сиротам,
Приютим неутешных вдов.

Совершится наша мечта сокровенная...
А сегодня, маршем на запад пыля,
Мы целуем тебя, живая, нетленная,
Наша дедовская земля.

Август.
Брянское направление.

НАД СУГРОБОМ

Плечистый немец, выбритый до лоска,
Вел по деревне русского подростка.
Повизгивая жалобно и тонко,
За мальчиком бежала собачонка.
Шаги свернули за сугроб проулка.
Два выстрела рванули воздух гулко.
И показался над сугробом смятым
Белесый немец с черным автоматом.
Застыл в сугробе мальчик.

А у ног

Уткнулся носом в черствый снег щенок.
Хозяину кудлатый верен был.
За это немец и его убил.

Март
Белгород.

В ФЕВРАЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Голубизна небес над полем белым.
Кристаллы льда алмазами горят.
Фельдфебель немец поднял парабеллум
И всю обойму расстрелял подряд.

Подул на пальцы и помедлил малость.
И побежал — тяжел, широк в шагу.
Застреленная женщина осталась
Стыть на морозном, искристом снегу.

И будто день стал строже и суровей,
И будто снег до матери-земли
В февральский полдень капли русской крови
Огнем испепеляющим прожгли.

Март
Белгород.

МЕРТВЫЙ ВРАГ

В стеклянном взгляде ветровая даль.
Вцепились пальцы в мерзлую траву.
Ты слышишь, мертвый? Мне тебя не жаль,
И не жалею я твою вдову.
До самой смерти ты убийцей был.
Себя ты тешил и себя любил.
Ты злобой наши души оскорбил.
За это мой земляк тебя убил.

Март.

Велгород.

ЗАВЕТ

Где был дом и клен у крыльца,
Повстречала сына-бойца.
Две слезинки с ресниц сняла,
Приголубила, обняла,
Вдоль села
Повела.

Головешки, пепел и чад.
Черный тополь и черный сад.
Ни пристанища, ни угла.
С корнем вырванная ветла.
Дым и мгла.
Нет села.

За околицей речка, мост,
За мостом, на горе, погост.
Преклони колени, солдат!

Твой родитель и младший брат
Оба в ряд
Здесь лежат.

Удавилась твоя жена.
Я осталась одним-одна
От семьи твоей, от села —
Как надломленная ветла.
Крест несла,
Вас ждала.

Ты теперь у меня один.
Ты защита моих седин.
Чтобы стоек ты был в бою,
Боль свою, обиду свою ●
В грудь твою
Перелью.

Ты стремись, как ветер, вперед,
Покарай лиходейский род.
Сколько сердце бьется в груди,
По следам кровавым иди.
Всех найди,
Всех найди!..

Август.
Брянское направление.

БАЛЛАДА ПРО ОТЦА И СЫНА

Лед на Дону потемнел от воды.
Падаль чернеет в логу.
Снег кровянится,
И на снегу
Крупные волчьи следы.
Пойди на запад по этим следам —
Они приведут в Потсдам.

В Потсдаме седом,
Над мелким прудом,
Есть старый немецкий дом.
Стоит он, быть может, триста лет,
Головой подпирая тьму.
Издалека,
С востока,

Волчий след
Тебя приведет к нему.
Четыре ступени.
Тяжелая дверь.
Отсюда выполз убитый зверь.
На двери дубовой медный квадрат:

«Доктор фон-Шрамм. Адвокат».

Скрипнула дверь.
Вот он и сам.
Седина по вискам.
Седина по усам.
Рачьи глаза.
Грудь колесом.
Грузен, как старый сом.
Идет он, на трость опираясь,
а справа
Плывет десятипудовая фрау.
Идут они важно.
Идут они чинно.
К этому есть свои причины.
Их мальчик,
Их крошка,
Их кумир

Четвертый год покоряет мир.
Отсюда у Шрамма апломб и вес.
(На свете немецком жил не для мебели!)
Сынок на востоке, в войсках СС,
Воюет в чине обер-фельдфебеля.
Он свет несет в азиатскую тьму,
В медвежьих эти места.
Герр оберст повесил на грудь ему
Два железных креста.
Сердце у сына не камень, не лед.
Все добродетели сыну к лицу.
Мальчик с востока посылки шлет,
Нежные письма пишет отцу.
Фриц, на досуге от бранных дел,
Прочно устроил судьбу свою.
Славную мызу себе приглядел
На черноземе, в донском краю.
Будет звучать немецкая речь
В доме под сенью столетних дубов.
Будут сынок и папаша сечь
Нерасторопных русских рабов.
Старая фрау будет качать
Большеголовых рыжих внучат,
А белотелая фрау сноха
Будет из баб выбивать потроха.

Славься же, старый немецкий бог!
Славься, гросс Дейчланд!
Хайль Гитлер!
Хох!

2

От Потсдама до Крюковки верст не счесть!
Долог путь, открытый ветрам.

В тихой Крюковке утром проснулся в шесть
Крестоносец Фридрих фон-Шрамм.

Крестоносца-фельдфебеля в ранний час
Разбудил орудийный бас.

Близкий взрыв до фундамента дом потряс
Окна стужей пахнули.

Ночник погас.

И в сенях полевой жандарм

Завопил:

— Аларм! Аларм!

Крестоносец, проворней всех,

Сапоги натянул наспех,

Под произвольный вой свинца

Легкой птахой порхнул с крыльца,

И, пургой и страхом гоним,

Он бежит за село.

И с ним

У столетних дубов как раз
Повстречался, с глазу на глаз,
Автоматчик гвардеец Влас.
Фриц фон-Шрамм, как волк, завизжал,
Вскинул маузер, спуск нажал.
Только пуля, остра и зла,
С тонким свистом в пургу ушла.
Дух из гадины выбить чтоб,
Влас ударил врага плеча.
И свалились они в сугроб
И катались в снегу, рыча.
Снег слежался, от крови тал.
На шинелях кровь запеклась.
И врага задушил
И встал
Автоматчик гвардеец Влас,
Стер кровищу с разбитых губ
И шагнул вперед через труп.

3

Лед на Дону потемнел от воды.
Падаль чернеет в логу.
Снег кровянится,
И на снегу

Крупные волчьи следы.
Пойдешь на запад по этим следам —
Они приведут в Потсдам.
В Потсдаме седом
Знакомый дом
Головой подпирает тьму.
Издалека,
С востока,
Железный гром
Не долетает к нему.
Спущены жалюзи.

По утрам

Не гуляет доктор фон-Шрамм.
Старый фатер с постели встает чуть свет
Снятся страшные сны ему.
Ни посылок, ни писем от Фрица нет.
Старый фатер глядит во тьму.
Не явился сынок под Новый год
Из далеких донских станиц.
Фрау муттер вздыхает:
— Мейн Готт! Мейн Готт!
О, мейн кинд!
О, мейн либер Фриц!..

.
Что ж? Вздыхай не вздыхай,

Чудес не случится.
Вьется, пляшет пурга
Над падалью Фрица,
И твои мечты и его мечты
Заметает снег с высоты.
Не пойдут к вам в невольники
Русские дети.
Не свистеть на Руси
Вашей прусской плети.
Под ярмом
Не сгорбятся русские плечи,
Не звучать на Руси
Вашей прусской речи.
И не бегать
По желтым прибрежным пескам
Вашим толстым рыжим щенкам.
Кровью выводков волчьих
Снег розовеет.
Грозный ветер возмездия
Полымем веет.

Декабрь 1942.
На среднем Дону.

С е в а с т о п о л ь

Малахова кургана вал.
Знакомый путь до Балаклавы...
Ты дважды пал и дважды встал
Бессмертным памятником славы.

На ост отхлынули бои.
В пустынных бухтах космы тины.
Чернеют копотью твои
Непобежденные руины.

И кажется — куда ни глянь —
Одна огромная могила.
И кажется — чужая длань
Тебя навеки раздавила.

Пусть сбудется, что суждено.
Судьба героев неизменна.
Непобежденному дано
Стряхнуть могильный холод тлена.

Ты пал, оружия не сложив.
Сражался, не ломая строя.
И в каждом русском сердце жив
Твой образ — города-героя.

О боевой твоей судьбе
В просторах русских песня льется.
В кубанских плавнях по тебе
Тоскует сердце краснофлотца.

Свершая тяжкий ратный труд
На кораблях, в степях Донбасса,
Твои орлята, в битвах, ждут
Вождем назначенного часа.

И он настанет — этот час
Расплаты грозной и кровавой.
И ты воскреснешь третий раз,
Увенчанный бессмертной славой.

На ветвях израненного тополя
Теплое дыханье ветерка.
Над пустынным рейдом Севастополя
Ни серпа луны, ни огонька.

Воет полночь псами одичалыми.
Шелестят над щебнем сорняки.
В темноте маячат над причалами
Плоские немецкие штыки.

В эту ночь, кварталами спаленными,
Рассекая грудью мрак ночной,
Шел моряк, прощаясь с бастионами,
С мертвой Корабельной стороной.

Шел моряк над бухтами унылыми,
Где душе все камушки милы...
На кладбище старом над могилами
Конвоиры вскинули стволы.

Он стоял, Тельняшка полосатая
Пятнами густыми запеклась.
Он сказал: — Повоевал богато я.
Вашей черной крови полил всласть.

Это мы с братвой, ночами темными,
Вас подстерегали пулей злой
В Инкермане за каменоломнями,
На крутых утесах за Яйлой.

Если ветер разгулялся по полю,
Встань, попробуй, поперек пути!
Много вас тянулось к Севастополю,
Да немногим пофартит уйти.

Встали здесь на якорь вы не рано ли?
Шторм придет и вырвет якоря...

Вперебой, не в лад, винтовки грянули.
Небо кровью залила заря.

Июнь.

«Вахт ам Райн» внизу гнусит гармошка.
Темень. Тень немецкого штыка.
В полночь старый черноморец Кошка
Будит краснофлотца Шевчука.

И идут они от Инкермана
Сквозь потемки мертвой тишины
До высот Малахова кургана,
Мимо Корабельной стороны.

Часовым глаза слепят туманы.
Что там промелькнуло впереди?
То ли тени, то ли партизаны —
В темноте попробуй, разгляди.

Шорох. Всплеск. И тело неживое
Приняла свинцовая вода.
Вдоль причала в ночь уходят двое,
Не оставив на камнях следа.

На скалу карабкаются ловко,
Раздирают заросль камыша.
Гулкая старинная кремневка
Вторит автомату ППШ'а.

...Смерть сердца морозом оковала.
В темном склепе не видать ни зги.
Слушают четыре адмирала
Легкие матросские шаги.

И сказал Нахимов Пал Степаныч,
Славный севастопольский орел:
— Это Кошка, адмиралы, на ночь,
На охоту правнука повел.

Ужас на пришельцев навевая,
Воздухом бессмертия дыша,
Ходит по развалинам живая,
Гневная матросская душа.

Чует сердце — скоро дрогнут скалы
От стального крика батарей.
Мы еще услышим, адмиралы,
В бухтах грохот русских якорей...

Звездный мир над бухтами огромен.
Штык качнулся и упал во тьму.
Лазарев, Корнилов и Истомин
Отвечают другу:
— Быть тому!

Июнь.

Солдатское сердце

ЖИЗНЬ И МЕЧТА

Умолкнет гром, пройдут года,
Мы постареем вдвое, втрое.
И будет сложена тогда
Такая сказка о герое:

Что шел он, не жалея сил,
Против жестокого течения
И в смертный час произносил
Высокопарные речения.

Что предавался он мечте
В ночи, перед кровавой сшибкой.
Мы будем слушать сказки те
С веселой старческой улыбкой.

Ведь мы к героям тех годин
В землянки запросто входили

И ели с ними хлеб один
И из одной баклажки пили.

Без нимба светлого на лбу,
Глотая пыль, топча порошу,
Они несли свою судьбу,
Как кирпичей тяжелых ношу.

Таскали сумки на горбах,
Со смертью в прятки не играли
И с грубым словом на губах,
Когда случалось, умирали.

Их явь и их ночные сны
Цвели цитатами едва ли,
Но честь своей родной страны
Они в обиду не давали.

Пусть их прикрасят. Не беда!
Воображенье любит мощи,
А человечья жизнь всегда
Грубей, грязней, святей и проще.

Февраль,
Харьков.

УТРО В ОКОПЕ

Когда по окопам прошла перекличка,
Когда мы за чаем беседу вели,
Порхнула хохлатая серая птичка
Над кромкой ничьей, одичалой земли.
На ближней раките листву колыхнула,
И отзвуком прежних, спокойных времен
Над полем, оглохшим от грома и гула,
Рассыпался тихий, серебряный звон.
Просторно вдохнули солдатские груди
Весеннего воздуха влажную прель.
Сердцами и слухом окопные люди
Ловили нежданную чистую трель.
И самый старейший из нашего круга
Сказал, завивая махорочный дым:
— Вот, тоже, не бог весть какая пичуга,
А как заливается! Рада своим.
Май.

НА ЗАКАТЕ

Вот навстречу позднему закату
Выплыл бледный, тонкий серп луны.
Что только не вспомнится солдату
В этот час вечерней тишины!

Плоскодонка, пляшущая зыбко
На сердитых волнах Иртыша;
Ласковая женская улыбка;
Звонкий смех и лепет малыша;

Кромка синих кедров по заполью;
Песенка рыбачья в камыше...
Робкими надеждами и болью
Шевельнется прошлое в душе.

Вспомнятся бессчетные могилы,
Ржев под пеплом, дымный Сталинград.

Ярость знойной кровью хлынет в жилы,
Сам собой к щеке прильнет приклад

За окопом речка, а за нею
Враг, переступивший наш порог.
И солдат прицелится точнее
И нажмет плавнее на курок.

Резкий крик в ответ на выстрел, мести
Долетит из гулкой тишины.
Рыжий немец не придет к невесте
Из большой, загадочной страны.

Май.

БЕССОННИЦА

Отгремел огневой налет.
Ночь легла, от росы сырая.
Сон неслышной стопой идет,
По окопам переступая.

Молодого месяца рог.
В темной раме бойницы дзота.
После трудного дня тревог
Спят бойцы твоего расчета.

Все заботы долой бы с плеч,
Задремать бы, смежив ресницы,
Но тебе не под силу лечь,
От навязчивых дум не спится.

Пулемет подперев плечом,
Ты в потемки глядишь угрюмо.

Заглянуть бы в глаза — о чем
Зреет в сердце ночная дума?

О родной ли той стороне,
Где в сирени сады предместий?
Об оставленной ли жене,
Или, может быть, о невесте?

Разве мало всяких забот
Воин в сердце солдатском носит?..
Ночь уходит, Сочится в дзот
Предраассветных сумерек проседь.

Друг мой, ляг, усни, отдохни —
Утро вечера мудренее...
Я вот тоже не сплю в тени,
А начать разговор не смею.

Март 1942 г.
Западный фронт.

БЕЗЫМЯННАЯ

Ну, как я забуду, добрая, ласковая,
То хмурое утро декабрьского дня,
Когда, обреченного смерти вытаскивая,
Ты телом своим прикрывала меня.
Ползла ты по снегу, железом иссеченному,
В окованной стужей задонской степи
И мне, обессиленному, искалеченному,
Шептала: — Желанненький мой, потерпи!
У гибели жизнь мою дерзостью выманив,
Меня ты в то утро сдала в медсанбат
И скрылась в метели. А я даже имени
Не мог разузнать у знакомых ребят.
Но образ твой светлый храню постоянно я
В окопе, в землянке, в лесном шалаше.
В то хмурое утро, моя безымянная,
Ты со мной блеснула солдатской душе.

Июль.

КОНТУЗИЯ

Фугаски выли, воздух рассекая,
Ломали сосны, разрывали мох.
И вдруг настала тишина такая,
Что человек от тишины оглох.

И все сместилось в тишине несносной,
И невесомой сделалась рука.
Над головой — воронки, люди, сосны,
А снизу — самолеты, облака.

И все вокруг, утратив постоянство,
Как странный, бесшабашный хоровод,
Сквозь полое, беззвучное пространство,
Раскачиваясь, прыгая, плывет.

Вздохнуть бы глубже, разорвать рубаху,
За облако схватиться на лету,

Но кто-то бьет по голове сразмаху,
Как в деготь, погружает в темноту...

Аптечный запах. Серый тент палатки.
В ушах звенит серебряная нить...
Сквозь звон далекий голос: — Все в порядке.
Следить за пульсом. Лед переменить.

Март

Нов. Оскол.

ГЛОТОК ВОДЫ

До чего же бывает речная вода хороша,
Если пить ее в полдень большими глотками
из каски.

Отлетает усталость. Теплеет живая душа,
Как в недавнее время теплела от девичьей ласки.

А когда ту реку называют, к примеру, Днепром
И снаряды у борта ложатся все чаще и чаще
И двенадцатый «Юнкерс» заходит в пике на
паром,
Вам водица покажется меда пчелиного слаще.

Мы сотрем рукавами холодного пота следы,
Вспомним прошлое лето — и Волгу, и Маныч,
и Терек
И, хмелея от ветра и чистой днепровской воды,
Ураганом атаки сорвемся с парома на берег.

ТОВАРИЦ

Мать над ним не склонилась, чтоб веки
смежить. —

Так и смотрит, мертвый, во тьму.
А ему бы, веселому, жить да жить,
Умирать бы ему к чему?

На стволе пулемета лежит ладонь,
И ладонь холодней ствола.
Бстать ему бы, кудрявому, взять гармонь
И вести девчат вдоль села.

Просыпаться бы парню ни свет ни заря, —
Плыть, рукой рассекая рябь;
Молотить бы в погожий день сентября;
Чернозем бы пахать под зябь...

Но война нас накрыла дымным крылом,
А свинец несговорчив, лют.

Мы зароем солдата здесь, за селом,
Отдадим прощальный салют.

И пойдем на заре по обломкам шпал,
Через речку—вброд, через гать,
Чтоб за каждого, кто за Россию пал,
Десять жизней у немцев взять.

Сентябрь.

Брянское направление.

ПЕСНЯ О СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

За пустой околицей,
За Донец-рекой
Вздрыгнет и расколется
Полевой покой.
Неоглядно поле то
За седой межой,
Жаркой кровью полито
Нашей и чужой.
Далеко от поля-то
До Буран-села.
А над кровью пролитой
Черный дым и мгла.
В дали затуманенной
Как узнать о том,
Что лежу я раненый
В поле под кустом;

Что меня жестокая
Тянет боль во тьму...
Милая! Далекая!
Жутко одному.
Под бинтом-тряпицею
Голова в огне.
Обернись ты птицею,
Прилети ко мне.
Наклонись, прилежная,
Веки мне смежи,
Спой мне песню прежнюю,
Сказку расскажи
Про цветочек аленький,
Про разрыв-траву,
Будто вновь я, маленький,
На земле живу...
То ли шелест колоса,
Трепет ветерка,
То ли гладит волосы
Теплая рука.
И не чую жара я.
И не ранен я.
Седенькая, старая,
Светлая моя!
Июнь.

ПОДРУГЕ ВОИНА

К чему рыданья, жалобы и пени?
Смири себя и думай о другом.
Да! Никогда не проскрипят ступени
Под кованым солдатским сапогом.
Да! Никогда сквозь снеговую замять
Не проблеснут любимых глаз огни.
Его письмо последнее, на память
О невозвратном счастье, сохрани.
Утерян счет утратам и разлукам.
Прожорлива голодная война.
Быть может, к нашим сыновьям и внукам
Придет любовь, вернется тишина.
Мы верим и надеемся... А ныне,
Наперекор всевластию свинца,
Ты сохрани в своем малютке-сыне
Солдатское бессмертие отца.
Март.
Велгород.

ПЕСНЯ

Когда я в атаку, в дыму и огне,
Иду по колено в крови,
Далекая радость! — хотя бы во сне
Ты имя мое назови.

Я сердцем услышу твой шопот ночной,
И слово твое, как броня,
От воющей бомбы и пули шальной
В атаке прикроет меня.

Согретый любовью в осеннем лесу,
От пуль невредимый в бою,
Я вместе с победой тебе принесу
Солдатскую верность свою.

Октябрь.

СОДЕРЖАНИЕ

Россия карающая

Вечерние лучи косые	3
Мост. Под'ем. И с крутого взгорья .	5
*В косом дожде, по косогорам	7
Под вечер в гестапо ее привели . .	8
Белоруссия	9

Дивизии идут на запад

Войны имеют концы и начала	13
Скрежещет серый гравий под ногами .	15
Далеких внуков племена	16
Вдогонку	18
Жизнь возвратилась	20
Здесь отступали гонимые	22
Весна на фронте	24
Дивизии идут на запад	26
Танковая засада	27

Артиллеристы	29
Слава!	31
Победители	35

Победители

Солдат	37
Генерал	39
Рождение солдата	42
Побратимы	45
Партизанская <i>разговорная</i>	47

Возмездие, воин!

Дочери	51
Прасковья	53
Старуха	55
18 марта	57
Песни полонянки	58
Село Отрадное	60
Над сугробом	62
В февральский полдень	63
Мертвый враг	64
Завет	65
Баллада про отца и сына	67

С е в а с т о п о л ь

Малахова кургана вал	74
На ветвях израненного тополя	76
«Вахт ам Райн» внизу гнусит гар- мошка	78

С о л д а т с к о е с е р д ц е

Жизнь и мечта	81
Утро в окопе	83
На закате	84
Бессонница	86
Безымянная	88
Контузия	89
Глоток воды	91
Товарищ	92
Песня о солдатской матери	94
Подруге воина	96
Песня	97

2 р. 25 к.